

У ИСТОКОВ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР*

*А.А. Трофимук
академик*

<...> Инициаторами создания Сибирского отделения стали известные академики М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович и С.Л. Соболев. Важно отметить, что все они, с одной стороны, виднейшие математики, с другой стороны, столь же виднейшие механики, физики <...>

К 1957 г. наша страна уже почти залечила все невыносимо тяжелые раны, нанесенные войной. Вы знаете, что европейская часть СССР до Поволжья была разрушена. Украина — наш промышленный потенциал — был сведен на нет во время Великой Отечественной войны. Страшное горе. Чтобы все это разрушить, хватило каких-то четырех лет. А вот чтобы восстановить примерно в такой же срок — это уже был подвиг народа и той же партии, которая обеспечила Победу и руководила восстановлением народного хозяйства. Вот поэтому у всех ученых было желание что-то сделать уже на этом этапе, когда настала необходимость не только восстанавливать, но и что-то создавать и творить. И вот наши организаторы науки решили попытаться осваивать Сибирь. Они верили прогнозам геологов о том, что это пространство, гораздо большее, чем европейское, представляет собой неисчерпаемый кладезь подземных богатств, земельных просторов, лесов и мощных гидроресурсов. Это начинание ученых не было повторением плана ГОЭЛРО. Во второй по-

ловине XX в. все нужно было делать совершеннее, качественнее и быстрее, опираясь на достижения отечественной науки. Вот такая идея овладела умами наших математиков и физиков. Я хочу отметить еще одно обстоятельство. Дело в том, что в это время готовилась новая программа КПСС, где указывалось, что наука непосредственно становится производительной силой. Особенно это касалось математики, физики, биологии. Это те науки, на основе развития которых и остальные успешно развиваются. Вспомним, как нас учил В.И. Вернадский. Поэтому речь шла о том, что нужно сделать, чтобы достижения этих наук возможно быстро распространить в Сибири. Сначала мы немного обиделись на то, что не были названы науки о Земле, но потом успокоились в связи с тем, что можно создать Институт геологии и геофизики, где физика уже предметно направлена на нашу Землю.

После того как решение было принято, перед организаторами встала не менее сложная проблема — уговорить наиболее выдающихся ученых включиться в эту работу, собрать не только тех, кто хочет участвовать в этой компании по призыву, а выбрать лучших.

К тому времени я, будучи уже членом-корреспондентом АН СССР, хорошо знал Сергея Алексеевича Христиановича по совместным работам в области разработки нефтяных место-

* Из книги «Главный геолог». Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. С. 25–34.

Отцы-основатели у макета будущего Академгородка. Слева направо: С.А. Христианович, С.Л. Соболев, М.А. Лаврентьев, А.А. Трофимук

рождений Башкирии и Татарии, но не был знаком с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым. Меня уговорил принять участие в создании Сибирского отделения АН СССР Сергей Алексеевич. После выхода постановления, в конце мая я встретился с М.А. Лаврентьевым. Это была несколько необычная встреча, во всяком случае для меня. Он ознакомился со всем, что я сделал до этого, чем занимаюсь сейчас и т. д., и задал такой вопрос: «Вы уже семь лет в Москве. Сначала занимались практической геологией как главный геолог Главнефтегазразведки Министерства нефтяной промышленности, а потом директор крупнейшего нефтегазового института Министерства нефтяной промышленности. Вместе с филиалами на Кавказе, в Татарии и Башкирии у Вас три тысячи сотрудников. Ведете крупную работу. Обеспечиваете научное обоснование разработки крупнейших месторождений, тех, которые к тому времени только что были открыты. Например, нефть в девонских пластах и Ромашкино. Что Вас тянет в эту самую Сибирь. Где и нефти-то нет никакой?» Я ему коротко ответил, что у меня была возможность познакомиться с геологическим строением Сибири, и с теми работами, которые там велись по поискам нефти и газа. И я пришел к выводу, что Сибирь буквально «плавает на нефти».

Это мое заявление произвело на Михаила Алексеевича, видимо, очень хорошее впечатление, он понимал толк в шутке. Потом он спросил:

— Как институт назовете?

И я сказал:

— Институт геологии и геофизики.

Желание соединить вместе эти ветви науки, чтобы они взаимодействовали и давали нам нужные результаты, тоже ему понравилось и как физику, и потому что физика проникает в геологию.

Мне дали возможность формировать кадры этого института. И здесь я получил от Михаила Алексеевича весьма ценный совет.

— Андрей Алексеевич, Вы не ждите, когда к Вам придут ученые с предложением своих услуг. Постарайтесь насторожиться при этом, так как человек, может быть, делает это из каких-то карьеристских соображений. Ищите патриотов, которые знают, что это их долгая судьба, и они всерьез едут в Сибирь, не колеблющихся, а именно призванных надолго. Если знаете, что есть хороший специалист, но он крепко корнями врос в московскую сферу или в какую-то другую — ленинградскую, киевскую и т. д. — даже не думайте об этом. Но если Вы убедились, что это первоклассный ученый, займитесь им, постарайтесь вытащить его из налаженного и удобного для него места.

Вот примерно такой был наказ. Я, естественно, старался его выполнить. Для этого мне нужно было обратиться прежде всего в специализированное отделение геолого-географических наук АН СССР, которое возглавлял тогда академик Дмитрий Иванович Щербаков. Встретили меня там очень хорошо. Сказали, что это великое дело. Геология как наука распространяется всерьез и надолго будет оказывать свое влияние на огромную часть страны. Мы будем вам помогать и т. д., и т. п. В дальнейшем разговоре я прежде всего остановил внимание на А.Л. Яншине. Это первейший помощник академика Н.С. Шатского, принимавший участие в создании тектонической карты сначала Советского Со-

юза, затем уже тектонической карты всей Евразии. Мне приходилось слушать блестящие по содержанию и форме доклады Александра Леонидовича, прекрасного эрудита, энциклопедиста. Однако он еще не был членом Академии, просто — доктором геолого-минералогических наук, сравнительно недавно защитившим диссертацию на основе фундаментальной монографии по Южному Уралу. Эта территория близка мне. И я начал «штурмовать» Александра Леонидовича. Он дал немедленное согласие, но сказал, что не знает, как его супруга к этому отнесется. После этого я пошел к Николаю Сергеевичу Шатскому. Тот долго размышлял, все прикидывая в уме, и наконец сказал:

— Могу Вам дать Яншина, но при условии, что его сразу выберут действительным членом Академии. Если Вы даете такое обещание, то считайте, что я дал согласие.

Я знал, что такие случаи бывали редко в Академии наук, когда человек еще не прошел промежуточный этап — члена-корреспондента, но они все-таки были, а значит, могут повториться. А говорил он это так настойчи-

во потому, что по Уставу СО АН, который был принят в том же 1957 г., нам представлялись отдельные вакансии и право заполнения их, полное право выбирать действительных членов и членов-корреспондентов на эти вакансии, минуя специализированные Отделения, передавать свое решение на утверждение Общего собрания Академии наук. Я был убежден, что сумею уговорить то научное сообщество, которое формировалось в качестве Сибирского отделения, чтобы представить ему А.Л. Яншина как важнейшего специалиста. Я обратился к руководству с этим предложением и получил заверение о всяческом содействии.

Далее я шел по такому же пути — рекомендовал тех, кого я сам лично знал, с кем работал и контактировал в области, близкой к геологии нефти и газа. Например, Борис Сергеевич Соколов мне приглянулся сразу по той причине, что он на протяжении многих лет работал в Китае, в приграничных районах, и он — первоклассный палеонтолог. Я был полностью уверен, что одна из вакансий ему будет передана, но уже не набрался храбрости дви-

Здесь будет стоять Институт геологии и геофизики СО АН СССР (1958 г.). Первый слева — А.А. Трофимук, справа налево — В.Н. Сакс, Э.Э. Фотиади, Ю.А. Косыгин

Совет мудрецов ИГиГ СО АН СССР.

Справа по кругу – В.Н. Сакс, А.А. Трофимук, В.А. Кузнецов, И.В. Лучицкий, Э.Э. Фотиади, В.С. Соболев, Н.Н. Пузырёв, А.Л. Яншин

гать его сразу в действительные члены Академии, хотя был убежден в его избрании членом-корреспондентом АН СССР.

Не все восприняли эту акцию – организацию Сибирского отделения – положительно. Некоторые даже в руководстве Академии говорили, что это – сплошная авантюра, никто туда не поедет, а если поедут, то тотчас разбегутся, столкнувшись с первыми трудностями. К тому же великих привилегий нам не давали. Даже сибирского коэффициента не существовало. Иными словами, все держалось на энтузиазме, на патриотическом желании решить проблему, не думая о каких-то льготах или выгоде. Единственной привилегией, которую нам сразу подсажали, а мы не сразу догадались, была возможность бронировать квартиры. И объяснили это так:

– Пусть у вас будет жилплощадь на случай, если будете уходить, то «мосты» за Вами будут сохранены. Это с одной стороны, а с другой – вы же одновременно становитесь и членами московского специализированного отделения, будете часто бывать в Москве

и останавливаться не в гостиницах, а в своих квартирах.

Так продолжался поиск нужных ученых.

Я хорошо знал Игоря Владимировича Лучицкого. Перенес он много, был после плена под подозрением. Это обстоятельство в его судьбе сыграло определенную роль в плане научной карьеры. Я ухватился за него и откровенно ему сказал, что мы за ним никакой вины не чувствуем, а, наоборот, считаем, что он с честью выполнил свой долг в годы войны, полностью ему доверяем и приглашаем быть нашим соратником.

Владимир Николаевич Сакс. Знаком с ним еще по северным районам. Меня приглашали туда в качестве консультанта, я участвовал в некоторых комиссиях по Северу и видел роль этого прекрасного стратиграфа, хорошо знающего мезозойские отложения, в которых мы намеревались найти первую большую нефть Западной Сибири. Когда речь зашла о нем, я тоже получил согласие. Нам дали широкие возможности привлекать специалистов и из других центров страны. Не обя-

Прогулка с соратниками по Академгородку. Справа налево: А.А. Трофимук, Э.Э. Фотиади, В.С. Соболев, В.Н. Сакс, С.Ф. Биске

зательно москвичей, любые научные центры советских республик были в нашем распоряжении.

И вот мы узнали о подвиге Владимира Степановича Соболева. Подвиг его состоял в том, что он еще до войны на основе детального сопоставления геологического строения юга Африки и севера Якутии предсказал наличие алмазоносной провинции в Восточной Сибири. И не просто так сказал или опубликовал, но и Госплан старался убедить чиновников в необходимости поиска алмазов в Якутии. До этого алмазы находили по кристаллику в год на Урале, что совершенно не удовлетворяло наши потребности. У В.С. Соболева был огромный опыт в области изучения магматических процессов вообще и в том числе алмазоносных пород. Мы ему тоже предложили принять участие в организации СО АН СССР. В то время он был членом-корреспондентом Украинской академии наук.

Одной из главных проблем при создании института стало формирование геофизической части. Здесь я был более информирован, так как геофи-

зика в то время в основном обслуживала нужды нефтяной промышленности. И мы, нефтяники и геофизики, как родные братья, давно уже ходили рука об руку, пользуясь взаимной информацией, и старались найти новые принципы заложения поисковых либо опорных скважин. Сначала выясняли нефтеносность европейской части, а потом продвинулись и в Сибирь. Я обратил внимание на Эпаминонда Эпаминондовича Фотиади — крупнейшего специалиста, который к тому времени уже закончил основные исследования геофизики Восточно-Европейской платформы, прекрасно знал все модификации геофизических методов, имел огромный опыт. Совершенно очевидно, что, переместившись сюда, он сделает огромный вклад в изучение и сибирских платформ.

Я знал Николая Никитовича Пузырёва. В моем представлении это был специалист номер один в области сейсмических методов разведки — главной надежды нефтяников, потому что с их помощью можно проникать на километры в глубину и рисовать скульп-

туру пластов. Других способов у нас нет, все остальные — косвенные. И тому и другому было предложено влиться в когорту ученых Сибирского отделения.

Являясь преемниками геологов и геофизиков, которые работали в академических учреждениях Западной и Восточной Сибири, мы должны были вовлечь в этот процесс и местных геологов. Я опасался только первого соприкосновения этих двух групп ученых — европейских геологов с местными. Опасался именно в том смысле, что могут возникнуть какие-то трения. У меня были для этого основания: имею в виду тот факт, что когда Христианович и Лаврентьев впервые поехали в Сибирь выбирать место, то в Томске и Иркутске их не очень-то дружелюбно встретили. Мы, говорят, «сами с усами», у нас есть свой крупный научный задел. И в какой-то мере они были правы. Ведь получалось, что мы перехватили у них инициативу. Зато руководители Западно-Сибирского филиала АН СССР полностью очаровали их. Именно своим желанием принять эту армаду новых ученых, слиться в еди-

ное целое и действовать. Так проблема подбора кадров и их взаимоотношений была решена. Правда, Михаил Алексеевич потом, в 1962 г. упрекал нас, когда по указанию Хрущева из Академии в подчинение министерств и ведомств передавали те институты, где сильно «пахло» отраслью. Мы потеряли из состава филиала энергетический институт как отраслевой.

В какой-то мере мы и Томск обобрали. Вот братья Кузнецовы — стали академиками тот и другой. Эта пара обеспечила нам понимание и магматических формаций, и рудообразования.

Из Томска мы пригласили и Феликса Николаевича Шахова, который организовал в Институте геологии и геофизики геохимический отдел. Об этих-то ученых из Томска и вспомнил М.А. Лаврентьев, когда предложил мне рассмотреть возможность перемещения в Томск всего Института геологии и геофизики, который тоже обслуживает Министерство геологии СССР, и этот институт должен украсить отрасль, на что я ответил ему следующее: «Дорогой Михаил Алексеевич! Наш коллектив Института геологии и гео-

На заседании Президиума СО АН СССР.

Обсуждаются проблемы развития Якутского филиала.

Председательствует академик М.А. Лаврентьев, выступает академик А.А. Трофимук

физики найдет свое место в системе государственных учреждений страны. Нас всюду встретят с большим удовольствием. Но в каком положении окажется Сибирское отделение, отказавшись от услуг этого института. Об этом Вам следует хорошо подумать». После нашего разговора М.А. Лаврентьев никогда более этого вопроса не поднимал, а, напротив, проявлял еще большую заботу о деятельности института.

— Если у Вас появится, — говорил он, — желание потом посоветоваться со мной, я к Вашим услугам, но за людей Вы сами несете ответственность. Ваше право привлекать тех, с кем Вы можете создавать новые научные ценности. <...>

<...> Но еще я хотел сказать, что у наших руководителей было замечательное качество — их патриотизм: не показной, они рисковали многим. А вдруг в самом деле ничего не получится? Их даже президенты предупреждали, что если не выйдет у нас дело, провалится, то и Вам, и всем будет худо. И Академии будет худо. Но глубокое убеждение, что мы делали важное дело, привлекало даже тех, кто не

очень-то первоначально эту идею поддерживал. И это создавало определенный климат, настраивало людей на преодоление трудностей. <...>

...Сибирское отделение — не совсем обычное, не такое, как, скажем, специализированное отделение в Академии, где ученые объединены по отраслям знаний. Наше Отделение под тем же заглавием есть Академия в Академии, как в матрешке, но с той особенностью, что оно само не просто повторяло набор таких же институтов, как в Москве, Киеве, Львове, а создало новые институты, которых не было в составе большой Академии. Институт геологии и геофизики стал первым институтом такого типа. Институт каталеза — не было аналогов такому институту. ... И Институт цитологии и генетики. Поэтому СО АН СССР — это не только Академия в Академии, это и расширение фронта наук.

<...> Мы накопили такой потенциал — это сжатая пружина, сжатая теперешним Правительством. И если она разожмется, то создаст великое благо прежде всего тем, что действует и работает в Сибири.